

К этому моменту я закончил с яйцами и овощами, и бекон был почти таким хрустящим, как нам обоим нравился. Резко вдохнув воздух, она сказала выдохнув: - Папа, пахнет хорошо. - Мне нравится, когда она меня так называет. Что-то есть в том, как ее милый голос произносит это слово, почти всегда вызывает во мне хорошее настроение. Взяв две тарелки, я начал последнюю стадию подготовки бутербродов, и именно в этот момент она наконец встала со стула. Она зачем-то заглянула в холодильник и, не найдя этого, закрыла дверь и задумчиво огляделась по кухне. Произнесение - Вот! - она взяла молоко со стойки и подошла к одному из шкафов за стаканами.

Слегка посмеиваясь, я сказал ей: - Ты могла бы просто спросить где оно.

С этой почти постоянной улыбкой в голосе она сказала: - О, я знаю, папа. Я просто думала, что оно в холодильнике. - Она налила нам обоим в высокий стакан молока и вернулась к своему стулу, на этот раз пристально наблюдая за мной между маленькими глотками. Я покачал головой, улыбаясь, когда я закончил готовить, вытер руки бумажным полотенцем и подал моей маленькой принцессе ее завтрак. - Мм-ммм! Это выглядит вкусно, папа! - Я сел на табурет рядом с ней, и мы вместе ели на, как и всегда на столешнице. Стол, который стоял позади нас, окруженный четырьмя стульями, довольно часто оставался неиспользованным, кроме как куда-то положить почту.

Глядя на нее, я не мог не думать о ее матери и о том, насколько они похожи. Вспоминая тот день, когда она умерла от лимфомы, я задумался о том, в каком опустошении была Ким, когда она скончалась. Она была такая молодая, она сначала не поняла, что мама не проснется. И когда я объяснил ей это самым нежным образом, который я мог придумать, ее пришлось оторвать от тела матери, пока медсестры несли ее в морг. Она плакала весь оставшийся день, и я плакал вместе с ней. Мы оба потеряли самую важную женщину в мире.

Я покачал головой, отгоняя плохие мысли и откусил свой первый кусок, в то время как она счастливо жевала. Глядя на нее сейчас, ни кто бы не сказал сейчас, что всего десять лет назад ужасная болезнь отняла у нее мать. В тот день она заставила меня поклясться, что я никогда не буду искать другую маму. Она схватила меня за лицо, обе наши щеки блестели от слез, и захныкала: - Она была моей мамой. Я не хочу еще одну, хорошо? - На самом деле я никогда не отвечал ей, только обнял и прижал к себе. Я никогда не понимал, что я сказал «нет», я просто больше никогда не искал любви, или, по крайней мере, не в физическом смысле. Я каждый день искал любви и одобрения моего милого ангелочка-блондинки.

Ким перестала жевать и посмотрела на меня широко открытыми глазами. Я посмотрел на нее, изогнув бровь, и пробормотал с набитым ртом: - Что случилось, детка?

С полным ртом она ответила: - Что с тобой, папа? - Я не был уверен, что она имела в виду, поэтому просто ничего не сказал и пожал плечами. Она протянула свой указательный палец и прикоснулась им к моей щеке чуть ниже моего глаза. - Почему ты плачешь? - Я вытер рукой глаз и, конечно же, почувствовал слезы. Даже по прошествии десяти лет мысли о кончине жены все еще могут влиять на меня.

Вдохнув, я взял ее руку в свою и нежно начал поглаживать. - Я просто думал о маме. - Внезапно ее лицо поникло, а ее бутерброд выскользнул из ее руки, плюхнувшись обратно на тарелку, когда она соскользнула со стула и упала мне на колени. Я оценил этот жест, и немного приспособился, чтобы приспособиться к ее телу, одна рука была под ее задницей, предплечье прижалось к ее спине, а другая рука все еще была на ее руке, которую она прижала к груди.

Наклонившись ко мне, она начала шептать: - Папа, я тоже иногда скучаю по ней. - Она положила голову мне на плечо, прижимая мою руку к своей груди, как будто ее жизнь зависела от того, чтобы я был рядом. Долгое время мы просто сидели вместе, как будто давая Кэрол момент импровизированного молчания, спустя столько времени после ее смерти. Шмыгнув носом, Ким отодвинулась и посмотрела на меня, ее глаза были влажными от слез. Долго улыбаясь мне, глядя мне в глаза, словно пытаюсь успокоить мою душу, она прошептала: - Я люблю тебя, папа.

Вздыхая, я сладко улыбнулся в ответ, - Я тоже люблю тебя, ангел. А теперь давай закончим есть. - Она резко выдохнула. Посмотрев на мгновение вниз, а затем снова на меня со своей милой маленькой улыбкой, она согласно кивнула.

Когда она снова забралась на стул, мы возобновили трапезу в относительной тишине. Мои воспоминания о Кэрол создавали мрачное настроение утром, и мне это не нравилось. Когда мы закончили, я попытался придумать способ облегчить момент, но ничего не нашел. Я вымыл посуду, и, не говоря ни слова, подошла Ким, чтобы помочь мне разложить ее. Она всегда была очень полезна по дому. Иногда я приходил домой с работы, и все было безупречно чистым. Однажды, когда ей было восемь, я спросил ее, почему она, так любит убираться. Ее простой ответ заключался в том, что она никогда не видела, чтобы я убирался, и это должен был делать кто-то. Я не мог с ней спорить, поэтому решил, что если она хочет быть горничной, я оставлю ее в покое, ей похоже, это нравилось.

Пока я ставил посуду в посудомоечную машину, Ким ткнула меня в бок. Я чуть не подпрыгнул. Моя реакция заставила ее вскрикнуть: - Что случилось?!

Быстро покачав головой, я улыбнулся ей, говоря как можно спокойнее, - Ничего, детка. Я просто задумался.

- Ты много начал думать, - лукаво сказала она, снова ткнув меня. Она пошла в гостиную, - О чем ты думаешь? - Полагаю, она ожидала, что я последую за ней. Осмотрев кухню, чтобы убедиться, что все убрано, я подошел к ней, когда она смотрела прогноз погоды.

С ухмылкой в голосе и без того, чтобы сказать что-нибудь еще лучше, я положил руку ей на голову, схватил ее за волосы и поднял их вертикально, - Просто подумал о том, какая ты милая. - Она хихикала и игриво пыталась отбить мои руки от своей головы. Мы все время так играли друг с другом, в конце концов, все, что у нас было, это мы друг у друга. Когда она прекратила хихикать, я отпустил ее волосы и присоединился к ней на нашем кожаном диване. Многие мои друзья обвиняли меня в том, что я богат, и удивлялись, почему я вообще работаю. Я бы сказал, что нам достаточно комфортно, чтобы иметь то, что мы хотим, но не слишком много.